

МАРГИНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ –
ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Л. Л. Шпак, Е. В. Головацкий

MARGINAL CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOUR AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

L. L. Shpak, E. V. Golovatsky

В данной статье авторы предлагают методологическое прочтение маргинальности применительно к социологическому изучению такого объекта, как политическое сознание и поведение. Статья раскрывает противоречия в политическом сознании и поведении, позволяющие рассматривать этот объект в маргинальном аспекте. Даны критерии маргинализации политического сознания и поведения в переходном обществе. Авторы характеризуют некоторые правила социологического анализа объекта.

The paper offers a methodological approach to marginality in the context of sociological study of political consciousness and behaviour. The paper shows the contradictions in political consciousness and behaviour which allow to consider the phenomena in the marginal aspect. The criteria of political consciousness and behavior marginalization in transitive society are listed. The authors characterize some rules of sociological analysis of the phenomena.

Ключевые слова: политическое сознание, политическое поведение, маргинальность, объект исследования, исследовательский механизм.

Keywords: political consciousness, political behaviour, marginality, the object of investigation, investigational mechanism, sociological analysis.

Разработкой методов и методологических проблем в изучении политики занимались и занимаются многие известные в России ученые разных поколений: В. Н. Амелин, Г. С. Батыгин, И. В. Бестужев-Лада, В. Э. Бойков, И. А. Бутенко, Ю. Е. Волков, И. А. Голосенко, В. Б. Голофаст, М. К. Горшков [2], В. Г. Гречихин, Б. А. Грушин, В. С. Дудченко, В. Я. Ельмеев, А. Г. Здравомыслов [4], В. В. Козловский, В. С. Комаровский, Б. И. Краснов, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Г. Мордкович, Э. Н. Ожиганов, Г. В. Осипов, Е. В. Охотский, А. И. Пригожин, Н. В. Романовский, М. Н. Руткевич, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов и мн. др.

В политической практике сторонникам различных идеологических направлений приходится учитывать умонастроения людей, оттенки, смешения идеологических воззрений, исходить из возможностей наилучшего в сложившихся ситуациях, т. е. оптимизировать отношения с теми, кто не разделяет полностью данных идеологических установок. Возникает возможность рутинизации информационных установок от целевых аудиторий. Особенно это важно для удержания собственной социальной базы политической борьбы и перехвата политических лозунгов оппонентов, мобилизующих население.

Маргинальность имеет тенденцию к универсализации в политике. Деление маргинальных категорий населения на традиционных и новых маргиналов является условным, пригодным, скорее, для использования в учебных целях. Да и сами маргиналы становятся несколько устаревшим объектом социологического анализа. Актуализируется то, что порождено взаимодействием маргиналов, распространением их социальных и асоциальных свойств среди населения, тенденцией гибридной маргинализации общественных взаимодействий, связей и отношений.

Социологам приходится иметь дело с различными объектами, в том числе и с такими отвлеченными, как сознание, и с такими междисциплинарно дифференцированными, как поведение. Их профессиональное сознание, соединяясь с компетентностью, делает ис-

следовательский механизм познания маневренным, гибким, готовым к ситуационным изменениям.

Профессиональная компетентность социологов во многом определяется их способностью к социологическому анализу реальной социальной и политической практики и владением методологическим арсеналом систематизации исходной информации. Надо заметить, что в переходном обществе политическое сознание и поведение становятся totally маргинальными для самых динамичных субъектов политики. При всем стремлении к нейтральности и объективному изучению жизни социологи втягиваются в складывающуюся в обществе расстановку политических сил, формируют индивидуально-личностные предпочтения и позиции. Скрытые привычки, прошлые взаимодействия держат социологов в пространстве социальных связей и отношений, находящихся на границе нового, еще не укоренившегося в социокультурной почве. Это реальность адаптивного поведения исследователя как наблюдателя в политическом пространстве жизни (П. Бурдьё, А. Ф. Филиппов).

Социологи, призванные быть профессионально нейтральными в исследованиях, оказываются вовлеченными в политику: могут тормозить нововведения своими рекомендациями, консультациями, предостережениями, могут, наоборот, лоббировать ускоренный переход от старого к новому, участвовать в подготовке политических решений. Профессионализм может превратиться в барьер на пути освоения нового, особенно при условии детального пространственно-временного заполнения исследуемого предмета, когда от социолога требуется соблюдение этапов и подэтапов, хронометража, поддержания запасов знаний и др. социально значимых ресурсов для маневрирования.

Подобное противоречивое балансирование на грани привычного и незнакомого для народа особенно характерно для тех, кто становится политическим или государственным деятелем по призванию и/или избранию, по воле случая или по велению соратников,

по принадлежности к той или иной организации, группе давления на власть.

Есть и такие участники политики, которые умеют сконструировать виртуальные формы политического участия, ограничиваются выражением личного отношения в информационном обмене через интернет, даже не намереваясь попасть в какое-то интернет-сообщество, организованное энтузиастами. Как показывает наш анализ мнений и позиций, выраженных через интернетные сети, рядовой участник такого взаимодействия нередко ограничивается «политическим балаканьем», простейшим, зачастую невежественным анализом реального факта жизни, причем ведет себя наивно, не стремится к лексическому и логичному оформлению мысли. «Эффект масштаба» участия подобных лиц позволяет оперативно заполнять актуальное пространство взаимодействия, использовать социальные сети и открытые информационные каналы, создавая повсеместно иллюзию общественного мнения, выраженного под флагом «общего мнения».

Такая ситуативная реакция выглядит как поведенческий порыв, социально окрашенный благими намерениями, желанием изменить ситуацию, навязывая свое мнение. Это мнение кажется единственно верным, устойчиво «твердокаменным», неоспоримым, правомерным по отношению к воле человека – гражданина общества. Но фактически маргинальные позиции обладают потенциальной возможностью пересмотра, наполнения иной аргументацией, привлечения иных стигмационных средств (обзывалок, ярлыков, кличек и т. д.). Импульсивность, порывистость поведения активно действующих молодых людей, не искушенных в реальных политических взаимодействиях и не знающих правил оппонирования, нередко проявляется как доказательство низкой социальной и политической культуры.

На заре пролетарского движения в России большевики могли снисходительно относиться к бескультурью пролетарской массы, приписывать крестьянству полное неумение вести политический диалог с властью и другими участниками политики. Пролетариям можно было опираться на классовое политическое чутье, а крестьянам – на их практическую сметку и неторопливость между бунтами. Интеллигенция становилась единственной силой, способной преодолеть ограниченность обыденного сознания в оценке политической и социальной реальности. Но и она расслаивалась: занятые наукой люди были далеки от политики либо безоговорочно становились проводниками идей, решений действующей власти, либо первыми шли на позиции угнетенных масс, пытались протестным поведением изменить состояние общества, что было характерно для аристократических выпадов против царского режима, а также для локальных восстаний дворян.

Налицо при этом пограничное состояние таких субъектов политики: переход на позиции Других, разрыв социальных связей по «принадлежности», освящение своего повстанческого поведения ореолом жертвенности во имя общего блага или восстановления справедливости.

При отсутствии укоренившейся родовой знатности мелкое дворянство через вузы и государственную службу, через самостоятельные объединения и дистанцирование от власти имущих становилось разночинским, радикально революционизируясь в конкретных условиях жизни. Эту категорию разночинцев, втяну-

тых в политическое участие, у нас в стране стали называть революционными демократами. Они выдвинули целую плеяду лидеров, жертвующих собой, выставили множество политических икон с потрясающими судьбами и заслугами.

Социокультурные привычки в поведении, отторжение большинством населения многих американско-европейских ценностей, навязываемых обществу, вынуждают крупных политиков сегодня озвучивать свою маргинальную позицию.

Очевидно, что реформы легче пойдут без болезненной ломки привычных, десятилетиями проверенных форм и способов преобразующей деятельности. Власть учитывает фактор исторической памяти и конфликтный потенциал народной памяти о «шоковой терапии» 1990-х гг. Маргинальность идеологических предпочтений и политического поведения в данном случае выполняет смягчающую и компенсаторную роль в продвижении к намеченным задачам реформирования.

К примеру, забота высших должностных лиц и властных органов о людях, попавших в экстремальные ситуации, переживших природные и техногенные катастрофы, успокаивает население, на долю которого достаются наводнения, сходы селевых потоков с гор, крушения на транспорте и т. п. невзгоды. На фоне привычной коллективистской заботы не только по линии правительства, спонсорства, но и веками привычной помощи «миром» (кто, сколько может) люди увереннее чувствуют себя в жизни, легче переживают беды. Торжествует социальный комфорт, не делающий акцент на поляризации богатств, на политическом размежевании и т. п.

Маргинальность может существовать как реальная угроза самобытности, независимости страны в условиях нарастающего давления внешних факторов, к примеру, в форме санкций в сегодняшней России со стороны США, ЕС. Неправовой захват власти (государственный переворот) на Украине, поддержанный внешними силами, в начале событий даже получил среди активных участников Евромайдана статус революции. Но на плечах справедливого гнева народа на политику ворвались ультралибералы, отличающиеся устойчивой антиросийской позицией и установкой на тотальную победу над инакомыслием. Мир постепенно убеждается, что такой натиск обернулся гуманитарной, техногенной и экономической трагедией не только для жителей Донбасса, но и вверг в обнищание и братоубийственное противостояние население всей Украины. Это стало социальным и политическим фактом. Неизбежный пересмотр позиций, политических установок и прожитого опыта постепенно приведет жителей Украины к сомнениям, раздвоенности сознания, поведенческой непоследовательности. Это маргинальное состояние сознания и поведения испытывают на себе и воинственно настроенные против Юго-Востока страны-приверженцы нового киевского режима. П. А. Сорокин в «Социологии революции» на событийном материале показал этот волнообразный процесс перехода от революционной эйфории и веры в фантомы преобразования жизни к своеобразной пирровой победе, деградации личностей самих низвергателей и безмерной усталости, запоздалому раскаянию и сомнениям в правильности пути и средств достижения высоких целей спасения человечества, искоренения зла [7]. Итогами пещерного озверения

ультрарадикализма всегда бывают посттравматические синдромы, носителями которых становятся и сами каратели, и их пособники.

Кросс-культурное (межкультурное) взаимодействие служит коммуникативным средством для установления терпимости и согласия на приграничных пространствах общества.

Что нужно учитывать социологам при конструировании несколько иного объекта жизни, как модели, пусть даже и превращающей реальную жизнь в симулякры (по Э. Гидденсу)? Основное в ответе на этот вопрос следующее: а) нужно видеть разрушительные силы общества и определить доминирующую роль субъектов взаимодействия; это касается традиционных жизненных укладов, ослабленных социальных ориентиров, бездействующих социокультурных регуляторов; б) изучать непреднамеренные, непредвиденные последствия действий, скрытые функции структур и субъектов взаимодействия; намерения, обещания и декларации людей могут иметь непредугаданные, неожиданные последствия; нужно распознавать степень системной встроенности поведения и явлений сознания; в) на изломах общественной жизни, при структурных сдвигах социолог должен интерпретировать смыслы, полагаясь не на официальные рекомендации, а на правила социологического обоснования, учитывать воздействия социальной системы на те или иные последствия изменений [1, с. 54 – 55]; г) использовать динамические характеристики развития изучаемой ситуации, т. е. не забывать о том, что, начиная исследование конкретной проблемы, социолог не должен отделять охваченную совокупность от прежней истории и возможных перспектив развития общества.

В изучении маргинальности политического сознания и поведения важным представляется соблюдение некоторых методологических требований социологического подхода, который начал формироваться по мере институционализации социологии, у нас в отечестве это примерно 1860 – 90-е гг.

Процесс формирования социологического подхода требует особого контроля над организацией познания (над границами предметной области, соответствием средств и методов познания и т. д.). Исследователь осознанно, целенаправленно держит себя в рамках правил, применимых именно к этому объекту и процессу исследования.

В период «собрания социологических сил» и преодоления разлома общества актуален призыв – быть терпимым в отношении иных взглядов и методологических построений, проявлять «политическую корректность» в полемике, в информационном обмене.

Со времен М. М. Ковалевского (1851 – 1916) доказано, что социология как наука не отождествляется с социальным реформаторством, которое предполагает и социальную ориентацию политики, и соучастие населения в преобразовании жизни. Социологический подход позволяет изучать социальные последствия реформаторства, оценивать социальную значимость идей. Но социолог в такой момент маргинализируется: становится не только наблюдателем, но и участником реформаторского процесса. Делается это в соответствии со спецификой исследовательского труда, социоинженерных возможностей социологов-прикладников, вовлеченных в социальные проекты (их разработку и/или внедрение). Исследователи-аналитики и реформаторы-аналитики находят общее про-

фессиональное поле деятельности, помогающее им преодолеть маргинальность профессионального сознания, направленного на изучение политики, и перенять технологические разработки, приемы конструктивистского мастерства, характерные для социоинженерии.

Социологический подход, осуществляемый с сохранением предметной области социологии, объединяет исследователей-аналитиков и социологов-прикладников, вовлеченных в исследования на стыке теории и практики.

Уточним, что основанием совместных разработок могут служить парадигмы социальных изменений, системного взаимодействия, маргинального поведения, адаптивная парадигма, а также гибридно-мягкое видовое разнообразие других подходов: системного, институционального, структурно-функционального, деятельностного и т. д.

Мы подчеркиваем, что маргинальность профессионального сознания и поведения проявляется в социологическом исследовании и в практической плоскости: субъекты взаимодействия либо ограничиваются некоторыми предписаниями, либо активизируются постановкой обновленной цели, познавательных задач или аналитикой с позиций ценностного давления. Смена подхода требует иного оснащения процессов познания, иных исследовательских методов, иных форм организации исследовательской практики.

Единообразие, отсутствие терпимости, ограничение индивидуальной свободы в научном поиске подкашивают под корень творческие усилия ученых, особенно молодого поколения. Нужно соблюдать принцип разнообразия (диверсификации), но многообразие той же маргинальности сознания и поведения требует методологического единства в парадигмальных основаниях, критериальном оснащении, строгом действии в рамках предметной области.

Социолог С. С. Фролов предложил матричный способ оформления отношений зависимости и власти в политике, схемы ценностно-смыслового анализа социальных отношений. Отношения власти и подчинения трактуются как слом сопротивления, способность принудить к действиям нужного направления и характера. По сути, автор модифицирует подход Макса Вебера и Ежи Вятра к власти, трактует зависимость в русле волевой концепции власти, но при этом подчеркивает специфику власти авторитета. Активность субъекта политики – по С. Фролову – можно определять показателями (а) ценностной экспектации (ожидаемыми позициями) и (б) ценностными устремлениями (как позициями, которые субъект стремится занять при распределении ценностей). Во взаимодействии с Другими субъект стремится обладать ценностями трех основных групп: ценностями благосостояния, за которыми автор относит благополучие, богатство, мастерство, просвещенность; ценности властвования (слава, репутация, престиж, статус); ценности эмоционально-нравственного характера (моральная чистота, способность к любви и дружбе). Достигнутые ценностные позиции позволяют субъекту регулировать свое политическое поведение и формировать социальные отношения, используя собственный ценностный потенциал в политических взаимодействиях [12, с. 11 – 21].

На наш взгляд, субъекты политики, независимо от собственной ценностной позиции, вынуждены не

только учитывать позиции взаимодействующих участников, но и приспосабливаться к ситуациям, жить с оглядкой на возможные позиционные сопротивления и ситуационные риски. Чтобы достигать каких-либо компромиссов в политике, участники взаимодействий должны определять меру уступок, тактических уловок, отступлений, сближающих их с ценностными позициями других людей. Наблюдается своеобразный отход на границы соприкосновения с оппонентами. Маргинальные проявления служат защитным средством от тушовых ситуаций, неэффективности переговоров, т. е. в ряде случаев нахождение «на краю» противостояния, на границе расхождений становится необходимым средством гибкой тактики, признаком способности субъекта к политическому маневрированию при сохранении своих «неразменных» принципов, отражающих специфику рационально выверенной политической позиции.

Маргинально-стигмационной формой подачи общественных суждений являются митинговая наглядность: лозунги, требования, эпиграммы и т. п., а также «речевки» – «кричалки» (формально запрещенные на митингах), песенные «намекы» участников шествий, демонстраций и массовых народных гуляний и представлений в праздничные дни. Иногда отношение высказывается с помощью «настенных» (современных «наскальных») средств выразительности. Такие средства выражения отношений, позиций стали распространенными в Интернете, визуальные коммуникации политически окрашиваются, начинаются юмористическими составляющими, с интересом воспринимаются и начинающими политическими «аналитиками», как говорится, «от сохи», и теми, кто прочно включен в политику.

В публикациях справедливо ставится вопрос о нравственной ответственности социологов за свое вмешательство в общественную жизнь (рекомендации, комментирование, обоснование управленческих решений, управленческое консультирование, экспертизу, отбор информации для политической рекламы, избирательные технологии, инфографики, PR-технологии и т. д.). Для научного сообщества ясно, что социолог не должен быть ангажированным, предвзятым в суждениях, тенденциозным в просветительстве и внедрении идей. Встает вопрос о профессионализме и компетентности социологов, их способности адаптироваться к новым реалиям, не погружаясь в исследуемые проблемы, как рядовые участники событий.

Но в то же время социолог, используя субъективные методы, особенно в так называемой «качественной социологии», вынужден принимать профессионально обоснованные меры против собственных вкусовых предпочтений, а порою и против своих предубеждений, слабостей «духа» в оценке людей и событий. В политике, как в бизнесе, много резкости, дихотомичных размежеваний, которые сосуществуют с нераспознанными непонятностями и неопределенностями. Социолог не может быть полностью нейтральным, он остается сочувствующим и оценивающим человеком в исследовании, только в этом смысле проявляется научная предпочтительность, «предвзятость». «Предвзятое мнение – это тот отблеск, который отбрасывается на подлежащий исследованию предмет всей совокупностью предшествующих, накопленных знаний исследователя», – писал эсер-социолог В. М. Чернов [13, с. 152]. Он предлагал со-

циальные явления оценивать с точки зрения идеала, противостоящего инстинктам, аффектам низшего порядка, расчетам. Чернов включил в структуру исследования такие составляющие: оценки, которые двигали людьми; рациональное конструирование идеала, т. е. переоценку всего, что ранее оценивалось в соответствии с социальным идеалом, высшим критерием; изучение социальных форм учреждений в отношении к нормальному, здоровому развитию личности; комбинацию благоприятных учреждений и форм, необходимых для гармоничного развития всего человечества; изучения существующих форм жизни и поведения отдельных лиц и групп в их отношении к идеалу.

Субъективные методы, используемые в социологических исследованиях, делают социолога профессионально маргинальным, вынуждают становиться на позицию других людей, проигрывать чужие роли, эмоционально отторгать или притягивать к душе чужие поступки. Становление субъективного метода в социологии нередко выглядело как провоцирующее взаимодействие с реалиями жизни, уход во внутриличностные проблемы человека, социологизация и психологизация реальности были моментами социологического познания, а не только биологизация общественной жизни, как принято сегодня упрекать социологию. Отличительными чертами верификации субъективного метода можно считать методологическую гибридность, соединение объективизма с субъективизмом, позитивизма с идеализмом.

Субъективные методы, располагающие к отказу от исконно позитивистской социологической практики, вполне могут быть откорректированы и верифицированы в процессах исследования взаимосвязей политического сознания и поведения.

Социолог соединяет силу воображения, без которой он не приблизится к пониманию переживаний в режиме определенных эмоциональных связей, и интеллектуальную силу, без которой нельзя интерпретировать рациональные очевидности в режиме преднамеренных смысловых связей.

Типологизация действия и поведения строится на «водоразделе» осмысленных действий и стихийных форм поведения, отражающих аффекты.

Однозначно истолкованная на интеллектуальном уровне и понятная конструкция целерационального действия (М. Вебер) служит ориентиром, по которому социолог определяет помехи, выявляет иррациональные факторы повседневной жизни. Реальное поведение людей может быть нерациональным (есть аффекты, заблуждения). Сконструированный на основе опыта и интеллектуальных процедур идеальный тип не может быть применим ко всем реальным поведенческим актам повседневной жизни.

Следует отделить предполагаемый смысл самого артефакта, явления (цель, средства) от того, что сопровождает реализацию заложенного смысла (повод, стимулы, препятствия, результаты).

Социолог должен считаться с данностью того или иного факта из опыта, нужна соотнесенность осмысленного поведения и пока еще не доступного понимания поведения. Примерно одинаковые ситуации могут демонстрировать социологу разные смысловые связи в поведении участников. Сравнение различных типов политического сознания и поведения отвечает нескольким требованиям: нужна верификация смысла; следует ранжировать значимость смыслов для

выявления причинных зависимостей реальных, наблюдаемых процессов; надо соотносить и правильно понимать внешний ход событий и его мотивацию; по М. Веберу, постижение объекта означает понимание *смысловой* связи действий, т. е. коллективных мысленных образований, выраженных с иных позиций.

Социолог для понимания добивается смысловой адекватности идеальных типов. Заметим, что этому способствует кросс-культурное взаимодействие с участием компетентных «толкователей» смысла. Наверное, сегодня будет сложно при характеристике маргинальности политического сознания и поведения отойти от установившегося представления о таких субъектах маргинального отношения к жизни, как беженцы, безработные, лица без определенного места жительства (бомжи), психически нездоровые лица и т. д.

Зажужженное понимание маргинальности помогает в прикладных исследованиях, позволяет развести по различным статусным площадкам многих людей, дифференцировать их. Однако в мире смыслов, символов, значений есть абстракции, имеющие социальный характер, и этот социальный мир наполняется новыми явлениями, нуждается в обновленных интерпретациях.

Интересными являются некоторые современные трактовки повседневности политики и политики повседневности в работах А. Ф. Филиппова, В. С. Вахштайна, Н. В. Плотицкиной. Суть этого осмысления политического во фрейм-анализе. Фрейм – это независимый от конкретных практик контекст, устойчивая структура, соединяющая в себе (по И. Гофману) знания (когниции), ожидания (экспектации) и репрезентативные схемы. Фрейм как повседневный контекст входит в рутинные социальные взаимодействия (метатексты). И. Гофман рассматривает мир текста, мир снов, сценариев и спектаклей, состязаний и пр. Мир идей оказывается связанным с миром социального обращения этих идей [3].

Исследователи отмечают в трактовке И. Гофманом фрейминга (механизма идентификации на основе политической культуры повседневности) три концепта: наблюдение и наблюдателя, событие (как смысловой комплекс) и систему различий.

Повседневное поведение в политике опривычивается. Человек адаптируется к политическим реалиям, несмотря на возможное сопротивление им в моменты неудобств, отсутствия социального и политического комфорта на этапах освоения нового. Ряд участников политического спектакля нарочито демонстрируют принадлежность к народу, коммуникативную совместимость, дискурсивность, использует такие средства выразительности, как молодежные слоганы, политические стигмы и пр. Общество через индивидуализацию и персонализацию политизируется. В поведении нарастают политические моменты даже тогда, когда индивиды погружены в бытовые, потребительские проблемы. Вырисовывается несколько иной аспект исследования: *политика жизни*. Одной из новых тенденций стало размывание границ между приватным и публичным в политике. Повседневная жизнь теряет четкость очертаний, контуров, когда она политизируется, ускользает от рефлексии [9, с. 228 – 241].

В социологическом анализе исследователь нередко сосредоточивается на операционализации понятий,

что нельзя сводить к манипулированию дефинициями (определениями) или к «разжевыванию» очевидного. Процедура операционализации опирается на конкретную парадигму и концептуально выстроенные смыслы (прим. авт.: *Утрата собственно социологического подхода ведет к искажению предметной области, к софистике. Известные в стране социологи (например, В. А. Ядов, Ж. Т. Гоценко и др.) неоднократно обращали внимание научного сообщества на уровни социологического знания и иерархию понятийно-логического аппарата в социологии*).

Для перехода от теоретических концептов к их наблюдаемым признакам (рабочая процедура «заземления» абстракций) в интерпретационную схему вводятся конструкты, которые соединяют доступное наблюдению и недоступное, но существующее и существенное. Заметим, что интерпретационная схема может совмещаться с операциональной схемой, замещая концептуальную схему в операционализации понятий.

Такими «мостиками» в характеристике политического поведения могут быть конкретные показатели политического участия. Из показателей выводятся индикаторы. Это конструкты, которые отображают итоги прямого наблюдения и измерения объекта и его признаков.

Критериями для определения степени маргинализации политического сознания и поведения можно считать:

- доминирование типа политического сознания и поведения на рубеже маргинальности;
- наличие неопределенности в статусно-иерархическом состоянии субъекта (неустойчивости статуса, отсутствии очевидных шансов для продвижения к ситуациям определенности);
- масштабность и экспрессивность противоречивого и неустойчивого функционального самовыражения субъекта в сложившейся ситуации;
- преобладание социокультурных регуляторов в развитии сознания и поведения;
- силу, целенаправленность, многообразие, интенсивность, оригинальность изменений;
- укорененность изменений в национально-государственной системе жизни.

Созвучие социокультурному стилю привычной жизни поколений, наличие признаков, адекватных восприятию и пониманию динамических слоев и групп общества, – всё это служит основанием социологического анализа и позволяет определять меру возможной системной встроенности того или иного изменения и его влияния на отношения взаимодействующих сторон и тех процессов, что происходят в обществе.

Среди существенных сетевых принципов социального взаимодействия можно отметить следующие:

- наличие диффузного (нежесткого) обмена;
- децентрализация, гетерогенность;
- практически неограниченное пространственное рассредоточение субъектов взаимодействия;
- присутствие опосредованных связей и отношений между субъектами;
- структурный и количественный динамизм;
- функциональная (зачастую пооперациональная или пошаговая) дифференциация.

Социологи не могут не учитывать необходимость пополнения участников-сторон социально-полити-

ческого взаимодействия необходимыми запасами знаний, компетенций, значимых социальных связей. Нужно отметить сложность адаптации к новым условиям при использовании новых ресурсов. Социологи обратили внимание на то, что *в инновационных условиях зачастую в выигрыше на долгосрочную перспективу оказываются именно новые слабо адаптированные игроки.*

Жанр политической и социальной маргинальности в современной России незаметно вошел в моду и получил заботу на высоких этажах власти, среди известных политиков, промышленников и управленцев. Миграционные и иммиграционные практики получают развитие в телевизионных сериалах, ток-шоу и художественных произведениях.

Маргинальное поведение предусматривает использование новых форм предметно-вещных отношений и межличностных контактов, укорачивающих социальные дистанции в системе отношений участников взаимодействия. Например, следуя подходу Э. Канетти, люди в массовом обществе вынуждены значительно быстрее преодолевать «страх касания» друг друга, один из самых значительных стрессов современного переходного общества. Традиционные представления об иерархическом распределении участников социально-политического взаимодействия забываются. Эти представления вынуждены уступать место новым, более коротким по протяженности и, вероятно, количеству участников комбинированным формам (варианты: «скейпы» Дж. Урри, самореферруемые аутопоэтические системы Н. Лумана).

По Э. Канетти, искусственно созданные институции и совместные действия отличаются умеренностью. Крайности взаимно исключают друг друга. Коллективные мероприятия служат смягчению и снижению накала страстей, которым человек с трудом смог бы противостоять в одиночку [5, с. 65 – 66].

В данном случае массовизация и маргинализация компенсируют и уравновешивают взаимное влияние. Не случаен интерес современной публичной политики к традициям массовизации: народным гуляниям, разного рода «дружинам» (христианские байкеры и др.).

Рассмотренный в социологическом аспекте специфический объект анализа – маргинализация политического сознания и поведения – позволяет объединить различные признаки объекта и охарактеризовать его сущность в предмете, отражающем конкретный контекст социальной реальности. Данный подход способствует рассмотрению объекта в соотношении с проблемами реального политического сознания и поведения, дает возможность соединить онтологический и гносеологический уровни в методологии социологического исследования.

Мы не ставим задачу перевернуть с ног на голову трактовки маргинальности, но обращаем внимание на необходимость тщательного и обоснованного использования этого понятия в социологической науке. Социологическому исследованию априори присущи элементы маргинальности, в качестве профессиональной возможности социологи могут детализовать скрытые стороны, семантическую связанность, предвосхитить результаты изучения.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания / пер. и вст. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Ин-т социологии, 2004. 752 с.
4. Здравомыслов А. Г. К вопросу о культуре социологического мышления // Социс. 2008. № 5. С. 4 – 15.
5. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: Астрель, 2012. 574 с.
6. Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-Дана, 2013. 479 с.
7. Общество сетевых структур: монография / под общ. ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 327 с.
8. Осипов Г. В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. 592 с.
9. Плотикина Н. В. Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепта фреймов // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 2. С. 228 – 241.
10. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. 784 с.
11. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема. (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый Хронограф, 2011. 562 с.
12. Фролов С. С. Применение различных форм власти в управлении современным обществом // Социология власти. 2009. № 1. С. 11 – 21.
13. Чернов В. М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 12. [Начало статьи в № 10, 11 за 1901 г.].

Информация об авторах:

Шпак Лидия Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологических наук КемГУ, 8-(3842) 54-82-58, Shpakll@mail.ru.

Lidiya L. Shpak – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Головацкий Евгений Васильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук КемГУ, 8-(3842) 54-82-58, politsocio@kemsu.ru.

Eugeny V. Golovatsky – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.